

Отрывокъ изъ романа:

РАИСОДИИ.

ЛОРЕНЦО.

«За чѣмъ ты ее впустилъ? сказалъ Лоренцо гнѣвнымъ голосомъ своему Жаку. Я тебѣ уже нѣсколько разъ подтверждалъ, чпобы ты, кромѣ нищихъ и калекъ, никакихъ просителей и просительницъ съ бумагами ко мнѣ не допускалъ!» —

«Хотя я того языка, на которомъ вы изволише говорить, и не понимаю, однако изъ гнѣвнаго голоса вашего и вашихъ взоровъ догадываюсь, что мое присушествіе вамъ непріятно; сказала женщина, держащая въ рукахъ бумагу, одѣшая бѣдно, но чисто и опрятно. Извините, Милосивый Государь, что надежда меня къ вамъ привела. Надежда насъ всѣхъ водить, многихъ обманываетъ.

Желаю , чѣшбы ваши надежды всегда исполнялись ; мою же неисполненную я назову — Лоренцо.»

Лоренцо , слыша голосъ и языкъ образованные , видя во всей фигурѣ сей женщины нѣчто , свидѣтельствовавшее счастливейшіе нѣкогда дни , смятчился. — « Да что тебѣ надобно ? что ты ? спросилъ онъ , спараясь улыбкою скрыть свое замѣчаніе. » —

« Я — Полковница , » отвѣчала она , « была счастливою супругою ; мужъ мой палъ въ сраженіи противъ непріятеля ; теперь я — бѣдная вдова , и нищѣ жизни моей прядущъ милосердыя руки. »

« Какъ же васъ зовущъ ? » спросилъ Лоренцо въ смущеніи.

« Меня многіе знаютъ , » отвѣчала она , « и всѣ зовущъ меня Полковницею ; имя же мое извѣстно здѣсь только одному. »

« Что же вамъ угодно ? » спросилъ Лоренцо.

« Желаю , чѣшбы рука ваша опроверзлась для подаванія мнѣ помощи ; возвративъ вамъ даннаго я не въ соспояннн ; взаимными услугами вознаградивъ — гошова , если могу. »

Лоренцо обратился взоръ свой на заходящее солнце и синѣющіяся вдали горы. Вдругъ обратился опять къ ней и опривисно сказалъ : « Я за оказанную услугу не требую вознагражденія. Чѣмъ могу служивъ ? »

«Если вы не принимаете моихъ услугъ, то я должна опказаться опъ вашей помощи; одни только нищіе взявши, исчезаютъ; я — бѣдна.»

«Спранная женщина! воскликнулъ Лоренцо. Какія же вы можете мнѣ оказать услуги?»

«Вопросъ вашъ походитъ на условіе,» сказала Полковница; «въ такомъ случаѣ я должна васъ спросить, какую вы мнѣ можете оказать помощь?»

Лоренцо находился въ великомъ замѣшательствѣ, въ которое привели его званіе, ловкость и всего болѣе присущіе духа просительницы. Чтобы избавишься опъ разговора, который началъ завязываться, онъ подаль ей молча червонецъ.

«Нѣтъ, сударь,» сказала Полковница, «единовременнаго подавнїя я не принимаю; не угодно ли вамъ будетъ, пожаловать мнѣ записку, что вы не обременяетесь назначить мнѣ что нибудь годовое?»

Лоренцо покачалъ головою: новость требованїя его заманила; онъ исполнилъ ея предложеніе. Подавая ей записку, «когда прикажете,» спросилъ онъ, «выплашишь деньги?»

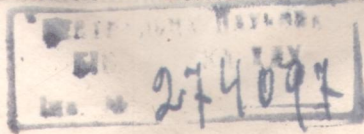
«Не безпокойтесь! когда вамъ угодно. Я живу въ двухъ миляхъ опъ города въ лѣсу, гдѣ благодѣтелями моими куплено мнѣ мѣстечко и построено небольшой домикъ. Сюда, въ городъ, я являюсь всегда черезъ мѣсяцъ,

живу только три дня, на четвертый возвращаюсь домой. Если я вамъ нужна буду, то извольте или сами пожаловать ко мнѣ, или прислать за мною.» — Поклонившись, пошла. Въ дверяхъ остановилась, и обратившись къ Лоренцу сказала: «вы въ Венеціи имѣете знакомыхъ — шамъ готовившихъ пышная свадьба — Маркизь Доримедонно вступаешъ въ бракъ съ прелестною Жозефиною Пизани.»

Лоренцо споялъ, какъ пораженный громомъ. Полковница исчезла. Солнце уже скрылось за горами и пурпуровая полоса надъ вершинами попухала.

Въ сію минуцу вошелъ въ комнату Джіакомо. «Поздравляю съ визитомъ, Графъ,» сказалъ онъ. «Конечно она походилъ на монашій порпиретъ, на кошоромъ нѣжнѣйшія черпы онъ часпато употребленія изгладились; но пріятносъ лица, и даже нѣкошорые слѣды опцвѣтшей красоны еще заманчивы; улыбка безподобная, а фигура вообще живописная.»

Лоренцо не опвѣчалъ. «Право,» продолжалъ Джіакомо, подходя къ ландшафту, кошорымъ Лоренцо предъ шѣмъ занимался, «съ такою Юноною побесѣдовавъ въ кабинетѣ, или прогулявъ — вопъ въ такой роциѣ, или

прислушивались къ шумному печенію рѣки — вопль на шакомъ берегу, или укрылись подъ навѣсомъ шакой скалы, какъ блаженной памяши скромный Эней съ величавою Дидоною, хопя и неизвѣстно, что они тамъ дѣлали — это не худо, во многихъ отношеніяхъ даже полезно. — Но что съ вами сдѣлалось, Графъ? — Вы разспроены! — Не уже ли Діана ошказала Эндимиону съ Исполиновыхъ горъ, или и Графъ и живописецъ въ своихъ расчетахъ и ожиданіяхъ ошиблись?» —

«Послушай, Джіакомо,» сказалъ Лоренцо, «ославъ на минушу швой нелѣпости и швою вѣтренность, и если шы меня хопъ нѣсколько любишь, то выслушай меня со вниманіемъ. Женщина, кошорал у меня была, и съ кошо-рою шы конечно вшрѣтился, приходила просишь подаянія, и, уходя, на порогъ обратилась ко мнѣ и сказала шономъ всевѣдущей вѣспницы: вы въ Венеціи имѣете знакомыхъ; тамъ гоповишся пышная свадьба; Маркизь Доримедоншо вшупаешъ въ бракъ съ преле-сною Жозефиною Пизани.

«Какъ!» вскричалъ Джіакомо, «что за чортъ? а Графъ Кольмаръ?»

«Графъ Кольмаръ?» сказалъ Лоренцо. — «Если это справедливо, то Графъ лишится того, что ему было драгоценнѣйшимъ на свѣтѣ,

1801/2

и послѣ сего жизнь для Графа Кольмара есть пусшая скорлупа, не имѣющая никакой цѣны, кошорую съ презрѣніемъ можно раздавить.»

«Постойте, Лоренцо, не шоропишесь. Все это мнѣ кажется вздоромъ. Подумайте! во первыхъ нищя.» —

«Нѣтъ,» перервалъ Лоренцо, «не нищя, а бѣдная.»

«Во впорыхъ,» сказалъ Джіакомо, «нищя — бѣдная — низкаго разбора, прислушивающаяся къ рѣчамъ» —

«Нѣтъ,» перервалъ Лоренцо, «не низкаго разбора, она Полковница.»

«Въ прешьихъ,» продолжалъ Джіакомо, «нищя, бѣдная, низкаго разбора Полковница, желающая выманишь нѣсколько денегъ» —

«Нѣтъ,» перервалъ Лоренцо, «не выманишь нѣсколько денегъ; она не приняла единовременнаго подавнїя, а согласилась только на ежегодное вспомошествованіе.»

«Тѣмъ лучше для нищей, бѣдной низкаго разбора Полковницы. Щедрость ваша мнѣ извѣстна, и она вѣрно оспалась довольною. Ни за что, ни про что годовое жалованье! Bravo! bravissimo!»

«Не бѣси меня, Джіакомо. Знай, что она вызвалась мнѣ оказывать взаимныя услуги, и

полько на эпомъ основаніи претовала вспо-
моществованія.»

«Хипраля баба! годовое жалованье вперёдъ ,
а услуги» —

«Ты говоришь вадоръ! она ничего не взяла.»

«Ого! *generosissima Signora!*»

Лоренцо глядѣлъ ему въ глаза. — «Тѣфу
пропасъ!» сказалъ Джіакомо, по нѣкошоромъ
молчаніи, «ничего не понимаю! Нищяя—Пол-
ковница — годовое жалованье — условіе — Мар-
кизь Доримедоншо — шупъ должна бытъ ,
кажешся, связъ.»

«Я шо же думаю,» сказалъ Лоренцо, «а по
сему и поручаю шебъ, любезный Джіакомо,
опыскашь эпу Полковницу и доставишь мнѣ
подробнѣйшія свѣдѣнія; на чшо я шебъ даю
двадцать чешыре часа времени.» —

«А чоршъ ее знаешъ, гдѣ она живешъ?»

«Она и эшаго опъ меня не скрыла, она жи-
вешъ въ лѣсу, въ двухъ миляхъ опсюда.»

«А въ какомъ, Ваше Сіяшельштво? Лѣсовъ
и рошицъ здѣсь много.»

«Двадцать чешыре часа, Джіакомо, и пом-
ни, чшо сіи двадцать чешыре часа пшвой
другъ, Графъ Кольмаръ, будешъ живъ въ
адѣ!» — Сказавъ сіе, Лоренцо ушелъ въ
свой кабинетъ. Джіакомо не посмѣлъ за нимъ
слѣдовать.

ГРАФЪ КОЛЬМАРЪ.

«И такъ, милая Синбора Розалія,» сказалъ Джіакомо, обнимая прелесный спанъ ея, — «и такъ» —

«И такъ, Синборъ Джіакомо,» сказала Розалія, «и такъ — довѣренность должна быть взаимная. Или вы должны быть злой чело-вѣкъ, вывѣдывающій другихъ для своихъ ви-довъ и выгодъ, хотя бы они и сопряжены были съ несчастіемъ другихъ; или вы испы-тали сколько коварства и обмановъ, что ваше отъ природы доброе сердце преиспол-нилось желчью недовѣрчивости. Въ обоихъ случаяхъ вы заслуживаете сожалѣнія.»

«Ни то, ни другое, прелесная Розалія,» сказалъ Джіакомо; «но дружба имѣетъ свои права.»

«А любовь свои секреты, Синборъ Джіа-комо? Ни ихъ, ни другихъ я нарушать не намѣрена.»

«Ахъ! любовь! — любовь!» — сказалъ Джіа-комо вздохнувъ и поцѣловавъ руку Розаліи. «Ахъ! изъ сего рая жизни быть изгнану! — Уже сверкаетъ пламенный мечъ Ангела гроз-наго, грошоваго изгнанъ щасливыхъ, и, пре-градивъ возвращенный путь къ блаженству, предастъ ихъ всѣмъ мученіямъ поски, и скор-би и опчальнія! Да опсвращенъ судьба отъ насъ такое зло!»

«Ахъ, Джіакомо!» сказала въспрѣвоженная Розалія. «Не говорите объ этомъ. Одна мысль наводиль на меня ужасъ!»

«Да ошврашишь судьба онъ насъ такое зло!» повшориль Джіакомо нѣжнымъ голосомъ.

«Ради Бога, Джіакомо! переспаньте меня пугашъ!» воскликнула Розалія.

«Человѣкъ — пловецъ на океанѣ жизни!» сказалъ Джіакомо. «Ясное солнце вливаешь бодрость и радость въ его душу, попушный вѣспрь живишь его надежды! Но вдругъ прошивные порывы выгоняюшь изъ-за горизонпа собравшіяся тучи; солнце скрывается, небо являетъ грозный видъ, буря реветъ, и ушлая доска ошдѣляетъ его онъ бездны! Волны несутъ! Ахъ! одинъ ударъ о подводный камень, и щепа разлетѣлась — и нѣтъ спасенія! — Благородная, великодушная Розалія! Тучи уже набѣгаюшь! Спаси, до бури, пловца — моего друга!»

«Джіакомо! говорите! я гошова сдѣлашь все, что могу!»

«Желаю только знать, гдѣ живетъ Полковница. Мой другъ Лоренцо хочеть самъ съ нею объяснитьсь.»

«Вашъ другъ — Графъ Кольмаръ.» — Джіакомо вскочиль. «Какъ!» воскликнуль онъ, съ величайшимъ удивленіемъ, «вы знаете» —

«Знаю, Синьоръ Вольдемаръ, знаю.» — Удивленіе Джіакома возраспало; онъ споэль по-

раженный, смущенный симъ неожиданнымъ открьпшемъ. — «Чему вы пакъ удивляешесь?» продолжала Синьора Розалія. «Кажется, что удивляться надобно мнѣ, удивляться, что вы — опытный, умный Синьоръ Джіакомо, считали возможнымъ опъ любовныспсыва женщины, пылающей къ вамъ любовію, скрыпъ свои секретны. Вы мужчины молчаливы, а мы женщины хипры; вашей молчаливости измѣняющъ, а нашей хипрости помогающъ обшпашельспва.»

«Да какъ вы это узнали?» спросилъ смущенный Джіакомо.

Розалія улыбулась. «Вы не повѣрите,» опвѣчала она, «если я вамъ скажу, что молчаливый Синьоръ Джіакомо самъ все вывелъ наружу.»

Джіакомо выспавилъ на нее свои глаза.

«Да, самъ вывелъ наружу,» продолжала Синьора. «Помните ли вы, Джіакомо, какъ вы однажды прищли ко мнѣ угрюмый, невеселый, задумчивый, разспроенный, и не хотѣли мнѣ сказанъ, что съ вами случилось. Я позволила вамъ ночеванъ у меня; вы заснули. Но я, превожась вашимъ разспройспвомъ, сидѣла въ креслахъ возлѣ васъ, и наблюдала за вашимъ покоемъ. Вы начали бредипъ; говорили много по Ипаліански, по Французски, и, къ удивленію моему, по Нѣмецки. Вы нѣсколько разъ повспорили ими

Лоренцо, называя его Сіяпельсвомъ, Графомъ Лоренцо, и живописцемъ Кольмаромъ; называли меня, увѣряли меня, что вы мой вѣрный Вольдемаръ и пр. Вы во снѣ говорили, все смѣшивая и перемѣшивая, но мнѣ бодрспвовавшей не шрудно было привесши все въ надлежащую связь, чему не мало способствовало то обстоятельство, что вы скрывали отъ меня свою родину, и вдругъ заговорили на опечеспвенномъ своемъ языкѣ. Вы хранили свою шайну, а я хранила свою. Но присовокупляю, что я ничего болѣе не знаю, какъ только то, что живописецъ Лоренцо есть Графъ Кольмаръ, а вы не Джіакомо, но Вольдемаръ. Въ началѣ я, правда, еще сомнѣвалась; но когда вы подарили моей Терезіи золотыя сережки, то я разсмотрѣла бумажку, въ которой онѣ были завернуты; это было писмецо Французскими литерами на Нѣмецкомъ языкѣ писанное къ Вольдемару и подписанное Графомъ Кольмаромъ. Я спрашала это писмецо; а на другой день послала своего Піетро къ живописцу Лоренцо съ записочкою, чтобы онъ благоволилъ меня увѣдомишь, не угодно ли ему будетъ написать поршпретъ одной дамы; что въ случаѣ его согласія назначены будутъ дни и часы для сеанса. Я получила опвѣщъ, сличила почерки, и нашла, что то писмецо и это опвѣщъ писаны одною

рукою. — Далѣ, Синьоръ Вольдемаръ, я ничего не знаю. Я довольно неоспорожно обнаружила, что Полковница мнѣ извѣсна, и вы пребудете подробнѣйшихъ о ней свѣдѣній. Я гошова вамъ помочь, но мнѣ надобно все знать, хотя бы только для удовлетворенія женскаго любопытства.»

Джіакомо между тѣмъ собрался съ мыслями, сѣлъ къ Синьорѣ Розаліи на диванъ, и началъ шакъ: «Человѣку и сны ошъ Зевеса! Судьбѣ угодно было, чтобы уша мои выдали чужую шайну, а вамъ, любезная Розалія, угодно было спящаго болшуна подслушать. Эпо перспъ Божій! сказалъ бы Панглось, и лучше не могло бы случиться въ семъ лучшемъ изъ возможныхъ міровъ! Все къ лучшему! Еслибъ я спящій не выболшалъ шого, что поклялся хранить шайною, то бодрствующій не рѣшился бы вамъ, прелесная Синьора Розалія, ее ошкрыть; а вы, добрая Розалія, по швердоси своего характера конечно ошказали бы намъ въ своей помощи. Теперь все другое! Я не имѣю причины скрывать шого, что вы уже знаете, а вы конечно, узнавъ ошальное, ошодно намъ поможете. И шакъ, все къ лучшему! — Прошу же слушать, повѣшествованіе мое будетъ очень корошко.»

«Только чтобы было и ошкровенно!» прибавила Синьора Розалія.

« Не имѣю причины, правдолюбивая Синьора, къ истинѣ примѣшивать вымыслы. Живописецъ Лоренцо есть Графъ Кольмаръ, владѣтель огромнаго имѣнія въ живописныхъ городахъ Исполиновыхъ. Машери своей онъ лишился на двѣнадцатомъ году возраста, отца своего два года предъ симъ. Онъ воспитанъ соопвѣстивенно своему сану и богатству, но не по обыкновенной мѣсодѣ. Человѣку нельзя дать того, чего въ немъ нѣтъ, и истинное воспитаніе помогаетъ только развитію душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, и великое искусство потребно уже только для того, чтобы не мѣшало оному развитію, или не давало ему несвойственнаго ему направленія. Это правило, коимъ старый Графъ руководствовался, сохранило молодого Графа отъ многихъ дурачествъ, глупостей и предразсудковъ, прививаемыхъ молодымъ людямъ высокаго званія. Молодой Графъ имѣлъ полную волю дѣлать, что хотѣлъ; уклоненіе съ прямого пути къ чему либо безразсудному было предусматриваемо и отклоняемо, или встрѣчало въ старомъ Графѣ грознаго и неумолимаго карателя. Молодой Графъ имѣлъ полную волю разсуждать, какъ хотѣлъ; и старый Графъ ему еще помогалъ и доводилъ его разсужденія до послѣдней границы возможнаго, или до послѣдней точки превысренности, съ кою молодой Графъ

могъ окинуть однимъ взоромъ или все заблужденіе, или все изыщесство своихъ мыслей. Бывъ часно свидѣшелемъ такихъ бесѣдъ, я неоднократно имѣлъ случай и причины удивляться смѣлости и рѣзкимъ рѣчамъ молодаго, и хладнокровію, перпѣнію и искусству спараго Графа. Ихъ бесѣды походили совершенно на Duo, въ копоромъ играютъ варіаціи на одну и ту же тему попеременно то пошъ, то другой. Часно спарикъ только вшорилъ; иногда игралъ и Solo, но не выходилъ ни изъ тона, ни изъ такта, въ копоромъ обыкновенно начиналъ молодой Графъ. Часно походили они на двухъ пылкихъ коней, пущенныхъ въ ристалище, и напрягавшихъ свои силы, что-бы опередить другъ друга. Присовокушше къ сему, что молодой Графъ ни въ чемъ не былъ снѣсяемъ, ни въ занятіяхъ, ни въ увеселеніяхъ, имъ избираемыхъ, ни въ расположеніи дня; тогда вы, прелесная Розалія, повѣрите мнѣ, если я скажу, что онъ весьма рано научился смотрѣть на все, его окружающее, совсѣмъ иначе, нежели другіе, что сердце его чисто, какъ стекло вашего уборнаго зеркала, и что онъ пріобрѣлъ, можешь быть излишнюю довѣренность къ самому себѣ. Онъ учился всему, чего нынѣшнее воспитаніе пребуеетъ, и имѣя опличныя способности, оплично во всемъ успѣлъ.

Ему было двадцать четыре года, когда старый Графъ скончался, и онъ вступилъ въ наслѣдство и управленіе огромнымъ имѣніемъ. Первое время онъ провелъ непримѣнно въ разныхъ распоряженіяхъ; но когда онъ все привелъ по своему мнѣнію и желанію въ порядокъ, когда имѣлъ много свободного времени, то ему наскучила единообразная и одинокая жизнь въ помѣстьяхъ своихъ. Однажды вечеромъ, сидя въ своемъ кабинетѣ погруженный въ мысли, онъ вдругъ вскочилъ, прошелся по комнатѣ скорыми шагами, и сѣвъ опять на свое мѣсто, сказалъ: «Я думаю, любезный Вольдемаръ, что какъ у Шекспира находятся намѣки, указующіе въ какомъ смыслѣ должно понимать или характеръ какого либо лица или всю пьесу, такъ и въ человѣкѣ есть такіе намѣки, указующіе, что ему надлежитъ дѣлать.» — «Сомнѣваюсь, оповѣчалъ я, намѣки стихопворца произвольные; въ человѣкѣ».... «Поспой! поспой! перервалъ онъ меня; ты Шекспира не понимаешь, другъ мой; у Шекспира нѣтъ ничего произвольнаго, и намѣки въ его пьесахъ не его; эти намѣки невольныя обнаруживанія характера лицъ самихъ. Такъ и въ человѣкѣ есть такіе намѣки. Напримѣръ, скажи мнѣ, для чего еще въ томъ возрасѣ, когда я не умѣлъ отличать хорошее отъ дурнаго, для чего родилась во мнѣ такая

спрась къ Италіанскому языку, когда господствуешь у насъ во всемъ Галломанія? Для чего родилась во мнѣ спрась къ живописи, когда, по мнѣнію нашихъ умниковъ, мнѣ, какъ Графу, приличнѣе было бы покупать, нежели самому писать каршины? для чего? — «Ваша душа искала пищи и занятій, сказалъ я, а что вы избрали преимущественно языкъ Италіанскій и живопись, это дѣло случайное.» — Онъ возразилъ: «какъ Аспрологъ Сени, въ Валленштейнѣ, говоришь, что нѣтъ ничего маловажнаго; такъ я шебѣ скажу, что нѣтъ ничего случайнаго. Все имѣешь свою причину, свою цѣль; все въ связи. Но мы слишкомъ близоруки, чтобы видѣть часпи, все связующія; а бѣдный умъ нашъ, мудрствуя, часто разрываетъ сію дивную тонкую нить; и это источникъ всѣхъ бѣдъ твоихъ. Если бы мы болѣе прислушивались къ самимъ себѣ, какъ мы должны прислушиваться къ рѣчамъ Шекспировыхъ лицъ, если хошимъ понять ихъ характеръ и ихъ дѣйствія, то конечно не сбивались бы съ пути, назначеннаго судьбою. Я прислушался къ себѣ. Спрась моя къ Италіанскому языку и къ живописи, двумъ предметамъ въ понятіи моемъ неразрывнымъ, указываютъ мнѣ на Италію. Ожидаетъ ли меня тамъ что, или нѣтъ; я того знать не могу. Но я хочу видѣть ту землю, ко-

порая мнѣ и въ Испоріи являеяся лучезарною, хочу видѣть сію опчизну военнаго величія, духовной власпи и изящныхъ искусствъ.» — «Вижу, опвѣчалъ я ему, что вы прислушались къ себѣ; на моемъ языкѣ это значить— вы возымѣли желаніе путешествованъ, видѣть людей.» — «Точно, перервалъ онъ, при этомъ случаѣ хочу видѣть и людей; людей, Вольдемаръ; не Герцоговъ, Графовъ, Маркизовъ и пр., но людей, Вольдемаръ, людей.» — «А развѣ Герцоги, Графы, Маркизы и пр. не люди?» спросилъ я. — «Люди, опвѣчалъ онъ, но шочно такъ какъ и акшеры на сценѣ люди; въ этомъ пшепрѣ я еще успѣю побыванъ. А чшобы мнѣ возможно было видѣть людей, шо я воспользуюсь своимъ искусствомъ и, опшавивъ дома пышность и Графскій шипуль, кошорые насъ опъ людей, или людей опъ насъ удаляють, опсправившись въ сопровожденіи шолько одного слуги, подѣ именемъ живописца Лоренцо. Если, прибавилъ онъ улыбаясь, если вамъ, почщеннѣйшій Вольдемаръ, угодно мнѣ сошупшествованъ, шо я не опкажусь опъ удовольствія вашей бесѣды; однако не иначе, какъ съ шѣмъ, чшобы Вольдемаръ благоволилъ промѣнянъ сіе звучное имя на другое, не менѣе звучное, на примѣръ, Джіакомо и хранишъ свое и мое званіе и имя какъ шайну.» — Тысяча мыслей, одна другой пріятнѣе,

зашевелились въ моей неутомонной головѣ. «Я
гошовъ, воскликнулъ я въ восхищеніи; вмѣ-
сто кляпвеннаго обѣщанія, вопъ вамъ моя
рука, Графъ! Прикажете закладывать!» —
«Не горячись, Синьоръ Джіакомо, сказалъ
онъ, приказаніе уже дано. Завпра въ шесъ
часовъ упра мы ѣдемъ.» — У Графа все уже
было приготоовлено. Съ порпфелью, каран-
дашами и красками, съ кошелькомъ, наби-
тымъ червонцами, и съ нѣсколькими вексе-
лями, мы на другой день въ назначенный часъ
сѣли въ коляску, и опсправились.

Нѣсколько помолчавъ, Джіакомо продолжалъ:
«хотя я и принадлежу къ шѣмъ харакперамъ,
для коихъ, въ теоріи и на пракпикѣ, жизнь
не иное что какъ *une partie de plaisir*; кои,
убѣгая глубокихъ размышлений, не сполько по-
учающихъ, сколько смущающихъ человека,
любующся карпинами прошедшихъ дней, не
любопытспвуютъ поднятъ завѣсу будущаго,
и пользуются наспоющимъ, срывая цвѣтки ве-
селія и наслажденія, гдѣ находятъ: однако я
начинаю вѣришь, что есть въ человекѣ на-
мѣки, о коихъ говорилъ Графъ. По крайней
мѣрѣ, жизнь Графа, еслибъ онъ не оспавиль
своихъ помѣспьевъ, выпинулась бы въ едино-
образную нить вѣчности; шунъ жизнь его
дѣлается драмою, копорую надобно разыграть.
Узелъ завязался въ Венеціи.

Но я долженъ, внимательная Синьора Розалія возвратиться за нѣсколько лѣтъ назадъ, дабы повѣствованіе мое имѣло надлежащую связь и ясность. Если я прежде сказалъ, что начинаю вѣрять намѣкамъ въ челоѣкъ, то теперь я долженъ еще присовокупить, что бывающіе событія въ жизни челоѣческой, кои по внезапности своей, или по сокровенности внутренней связи, столь чрезвычайны, что челоѣкъ, ихъ видѣвшій находясь вдругъ на межѣ двухъ міровъ, приходишь въ недоумѣніе, и, отвергавъ прежде ихъ возможность, наконецъ начинаешь вѣрять тому, чему умъ смѣялся, потому что оно смѣется уму. За два года до кончины спараго Графа, молодой Графъ по дѣламъ семейственнымъ посланъ былъ оптомъ своимъ въ одно изъ сѣверныхъ Государствъ Европы. Я былъ его сопутникомъ. Нѣсколько времени спустя послѣ пріѣзда нашего шуда, познакомившись съ лучшими домами въ городѣ, мы однажды приглашены были однимъ богатымъ помѣщикомъ и знаемымъ чиновникомъ на балъ, копорый онъ давалъ въ загородномъ своемъ домѣ, въ чепырехъ миляхъ отъ города. Все, чѣмъ роскошь и утонченность вкуса прельсннть могутъ глаза и воображеніе, все, кажется было придумано и выполнено, а пріятность и любезность хозяйки и привѣтливость хозяина, возбуждали во всѣхъ госпяхъ веселый духъ и

поддерживали общее удовольствіе. Предъ всѣми опличался въ панцахъ — Графъ, съ дочерью хозяина, прелесною дѣвицею, созданною, кажется, для того только, чтобы поселять въ муцинахъ сердечную тоску. Графъ въ началѣ былъ чрезвычайно веселъ; но вдругъ, по причинѣ мнѣ и по нынѣ неизвѣстной, веселость его исчезла, и когда время клонилось къ полуночи, онъ, подошелъ ко мнѣ, шепнулъ, что намѣренъ по шихоньку уѣхать. Но какъ онъ ни шепталъ, однако споявшій позади меня Баронъ Массингеръ, копорый принадлежалъ къ первымъ нашимъ знакомствамъ въ томъ городѣ, услышалъ его слова, и сказалъ ему: «вы собираетесь домой, Графъ; признайтесь, и я желаю бы быть уже на покой. Если угодно, поѣдемъ вмѣстѣ.» Графъ согласился. Мы по шихоньку удалились изъ залы, обыскали своихъ людей, накинули шубы, и сани закричали по снѣгу. Погода была прекрасная, ночь свѣшная. Не опѣхали мы и полмили, какъ поднялся сильный вѣтръ, и кучеръ спросилъ Графа, не прикажетъ ли ворошиться, потому что подымается мѣтель, и впереди до города нѣтъ ни деревни, ни хаты. — Ему приказано было продолжати путь.»

«Не желаю, чтобы споль нѣжный цѣшокъ, какъ вы, прелесная Розалія, когда либо, или по собственному желанію, или по спре-

дѣленію судьбы, перенесенъ былъ въ пѣспраны, кошорыя благотворное солнце освѣщаешъ споль крапкое время. Вы, щаспливая Синьора Розалія, родились въ благословенныхъ поляхъ Италіи, и ваше воображеніе, имѣя предъ собою всегда прелеспнѣйшія карпины Природы и Искусства, не знаешъ ужасовъ Сѣвера, гдѣ взоръ не любитъ медленнымъ развиіемъ весны и ея почекъ, гдѣ природа, дѣйствуя скрыпно и быспро, лишаешъ насъ восхищительнаго зрѣлища развивающейся красопы, гдѣ въ одну ночь безцвѣпная спрана превращается въ роскошную жизнь расщипельнаго царства, гдѣ прелести Природы мгновенно исчезающъ, скрываясь за снѣжными облаками. Солнце удаляется, спѣша скрыться подъ горизонтномъ, медлишь появленіемъ своимъ пробуждаешъ смерпныхъ къ новой дѣяшельности; земля лишается своихъ украшеній; все цѣпенѣшъ въ морозъ, и какъ кровь въ жилахъ спынешъ при наспусленіи смерпи; такъ быспрѣйшее движеніе рѣкъ слабѣшъ, печенія нѣшъ. Снѣгъ и мракъ длинныхъ ночей покрывающъ землю. Горе пуннику, выѣхавшему изъ многолюднаго города въ дорогу, ведущую чрезъ необозримое поле, и пересѣкаемую дальними селеніями, когда заснигаешъ его вѣпръ и вихрь. Снѣжная пыль поднимается съ земли, спускаешъ съ облаковъ — небо и земля исчеза-

юпъ — всюду бѣлая пѣма! Самый зоркій глазъ не видитъ далѣе десяти шаговъ! бѣлая дорога сливается съ необозримымъ полемъ! нѣтъ слѣдовъ, и надобно, или остановиться, или продолжать путь свой на удачу. Въ обоихъ случаяхъ угрожаетъ величайшая опасность, и часто встрѣчаютъ неизбежную смерть.»

«Снѣжная пыль начинала уже подыматься и кружиться въ воздухѣ. Кучеръ еще разъ спросилъ Графа; не прикажетъ ли ворошиться? Но Графъ, не зная еще опасности, съ гнѣвомъ повторилъ прежнее свое приказаніе. Баронъ не опасался. Вскорѣ кучеръ остановилъ лошадей, и объявилъ, что онъ сбился съ дороги. Долго совѣщались, въ какомъ направленіи ѣхать. Наконецъ кучеръ просилъ позволенія предоставить лошадямъ волю идти, куда хотятъ, говоря, что это единственное средство въ такихъ случаяхъ, и что лошади обыкновенно попадаютъ на какую либо дорогу. Графъ согласился, и дабы намъ не потеряться другъ друга, по коренную лошадь ѣхавшаго за нами Барона привязали къ задку нашихъ саней. Такимъ образомъ ѣхали мы съ часъ, какъ кучеръ остановилъ лошадей, говоря, что-то впереди въ весьма близкомъ разстояніи виднѣется. Послали лакея узнать; это была хижина въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ стоявшая. Холодъ и опасеніе опять

сбихся съ дороги заспавили насъ искапъ въ сей хижинѣ убѣжища, и обождапъ, пока мятель пройдетъ.»

«Графъ, прошивъ своего обыкновенія, во все время нашего спранспивованія молчалъ, погруженный въ задумчивость. — «Здѣсь, видно, царство смерти,» сказалъ Баронъ, выходя изъ саней; «не слыхалъ и лая собаки.» — Мы вошли въ сѣни. — «Едва ли здѣсь кто живептъ,» продолжалъ Баронъ, «и мы принуждены будемъ сидѣть въ пошмахъ.» — Въ сіе мгновеніе лакей, опыскавши ощупью дверь, отворилъ ее. Мы оспановились пораженные свѣтомъ и спраннымъ зрѣлищемъ, копорое намъ предспавилось. Лакей, оцѣпенѣвъ, и выспавивъ свои глаза, держалъ въ рукѣ дверь, не зная, что дѣлалъ. У спѣны прошивъ отъкрытой двери споялъ длинный споль, на копоромъ горѣло восемь свѣчъ, посспавленныхъ въ шомъ порядкѣ, въ какомъ спавяптъ геридоны около гроба; проспранство сполы, ими заключаемое, было покрыто бѣлымъ полошномъ; за споломъ на скамѣ, проспиравшейся вдоль по всей спѣнѣ, въ проспѣнкѣ двухъ оконъ, сидѣлъ человекъ высокаго роста — голова его была совершенно лыса — изсохшее его продолговатое лицо, съ оспрыми подбородкомъ и носомъ, не оживлялось никакимъ цвѣшомъ — на лбу надъ лѣвымъ глазомъ видѣнъ былъ красный, какъ бы кро-

всю налипший рубецъ — оловянные глаза его, коихъ взоръ усмремленъ былъ на сполъ, бѣлый плащъ, покрывавшій, какъ саванъ, всѣ прочія части его тѣла, и неподвижность всей фигуры, могли бы свидѣтельствовать, что онъ сокрушилъ запоры своего гроба и сидѣлъ тамъ въ ожиданіи спрашнаго суда, если бы судорожное движеніе устъ и лѣвой щеки не доказывали, что онъ принадлежалъ еще къ живымъ.»

«Графъ посмотрѣлъ на меня, какъ будто желая получить отъ меня какое либо объясненіе, и первый вошелъ въ комнату, за нимъ Баронъ и я. Дверь за нами сама захлопнулась, и каженся, каждый изъ насъ вздрогнулъ. Вдоль боковыхъ стѣнъ стояли длинныя скамьи, а по лѣвую руку видна была еще одна дверь. Впрочемъ все было голо, и даже не видашь было и иконы. Мы сѣли, я по лѣвую, Графъ и Баронъ по правую руку сполы, въ нѣкошоромъ отъ онаго разстояніи. Баронъ, не скрывавшій ни въ какихъ случаяхъ своего вольнодумства, хохотавшій, вѣроятно, и тогда выказавъ свою храбрость, посматривалъ съ язвительною улыбкою на спрашнаго человека и на Графа, сидѣвшаго въ задумчивости, которая меня болѣе тревожила, нежели спрашный незнакомецъ. Нѣсколько минутъ продолжалась безмолвная сцена. Вдругъ незнакомецъ медленно

поднялъ голову, обратилъ пускые свои глаза на Барона и сказалъ глухимъ гробовымъ голосомъ: «се царство смерши! Тебя, кощунъ, ожидаешъ великое нещасье.» — Баронъ примѣнно вспревожился, но желая выдержавъ свой характеръ, собрался съ духомъ и отвѣчалъ ему: «если тебѣ дано слышать какъ распахъ права, и видѣшь что кроется за завѣсою будущихъ временъ; по благоволіи изъ глубины премудрости пвоей возвѣспнишь лестнѣйшее.» — «Въ царствѣ смерши не лспашъ!» сказалъ незнакомецъ. Щеки и уста его пришли въ сильнѣйшее движеніе. — «Внимай, кощунъ!» продолжалъ онъ; «прежде, нежели солнце прижды совершинъ свой пупъ, ты изъ міра порядка увидешъ въ міръ смятенія, ппнадцатъ лѣтъ тебѣ суждено, не узнавать ни себя, ни другихъ; попомъ возвращиши свѣтъ въ душу пвою, но только для того, чтобъ ты позналъ плачевнѣйшее соспояніе свое. Тогда ты впорично сойдешъ съ ума и въ бѣшенствѣ умрешъ.» — Баронъ молчалъ, пораженный споль ужаснымъ предсказаніемъ. Графъ не выходилъ изъ задумчивости своей, но на лицѣ его выражалось спокойствіе. Я не зналъ, что думашъ: считашъ ли незнакомца за высшее существо, которому извѣстны судьбы смершнихъ, или попались мы въ сѣти обмана, а можешь быть, въ опасное для жизни нашей мѣсто. Глубокое

молчаніе, воспослѣдовавшее за предсказаніемъ, перервалъ опять незнакомецъ, медленно обрапившій свое ужасное лице ко мнѣ, и сказавшій: «се царство смерти, а не царство лжи и обмана, и жизнь швоя и шоварищей швоихъ безопасна.» — У меня волосъ спалъ дыбомъ. — «Долго,» продолжалъ онъ, «обращаясь къ Графу, «долго я тебя ждалъ, Графъ.» — При сихъ словахъ Графъ вышелъ изъ своей задумчивости. — «Кшо ты?» спросилъ онъ незнакомца рѣшительнымъ голосомъ. «Кшо тебя послалъ? и по чему ты меня знаешь?» — «Не спрашивай меня. Не въ моей власни состоишь, опивчашъ на швои вопросы. Знай, чшо для меня нѣтъ ни времени, ни пространства. Человѣкъ слѣтъ, яко крошъ! онъ веселился на канунѣ смерти! чаша удовольствія увѣнчана цвѣтами, но она оправлена горечью и ядомъ. Подойди ко мнѣ, Графъ.» — Графъ вспалъ, и подошелъ къ нему съ нѣкоторою робостью. — «Смопри, Графъ!» сказалъ незнакомецъ, вынувъ изъ подъ плаща лѣвую руку, которая принадлежала болѣе скелету, нежели живому человѣку, держа ея блестящее серебряное блюдо, — «смопри, Графъ,» повторилъ онъ, повернувъ блюдо къ глазамъ Графа. Графъ сморѣлъ въ блюдо, лицо его начало измѣняться, волосъ подымался. — «Не робѣй, юноша!» сказалъ онъ. «Ты видишь послѣднюю сцену.» И вскорѣ

пошомъ спряхалъ блюдо опяль подъ плащъ. Молча споялъ Графъ какъ испуканъ, успремивъ глаза на незнакомца. Баронъ сидѣлъ съ поникшею головою, вперивъ взоры свои въ полъ. Я неперпѣливо ожидалъ развязки. Графъ, сдѣлавъ движеніе, чшобы возвратиться къ своему мѣсту, вдругъ сильно встревожился, оспаваясь у сполы, къ кошорому подошелъ. — «Не робѣй!» сказалъ незнакомецъ. «Свобода еспъ плодъ повиновенія! Соберись съ духомъ! Смощри, Графъ.» — Съ сими словами онъ вынулъ изъ подъ плаща правую руку, держа въ ней зеркало. — «Смощри, Графъ!» повощорилъ онъ. Графъ бросилъ робкій взглядъ на спекло; взоръ его прояснился! на успахъ появилась улыбка и на лицѣ его изображалось удовольствіе и радость. — «Графъ!» сказалъ незнакомецъ и спряхалъ зеркало опяль подъ плащъ; «ны хощѣлъ знанъ, кшо я!» Графъ молчалъ. — «Познай меня!» — Съ сими словами онъ сдернулъ бѣлое полошшо со сполы, и взоры Графа пали на вдѣланнй въ споль спальной лиспъ. Лице его поблѣднѣло, онъ зашашался, и схвативъ себя за лобъ, бросился изъ ханы вонъ. Мы почувсшвовали сильный запахъ мершваго. Баронъ глубоко вздохнулъ, но сидѣлъ неподвижно. Я хощѣлъ броситься за Графомъ, коего сосшояніе меня сильно встревожило, но никакъ не могъ вспашъ. Спрашнйй незнакомецъ сидѣлъ спокойно на своемъ

мѣстѣ, покрывши опять сполъ полошномъ, и обращая свои спрашныя глаза по на Барона, по на меня. — «Скажи,» обратился онъ наконецъ ко мнѣ, «скажи Графу, чпо я съ нимъ еще увижусь!» — Вдругъ свѣчи погасли, мы оспались въ глубокомъ мракѣ, а надъ нами раздался тяжкій стонъ. Хоша робоспъ мною и овладѣла, однако я не совсѣмъ лишился памяти и присуществія духа. Почувствовавъ свѣжій воздухъ вокругъ себя, мнѣ какъ-то спало легче; и увѣрившись, чпо могу ноги свои привести по волѣ въ движеніе, я вскочилъ. — «Баронъ! вы шупъ?» спросилъ я громкимъ голосомъ. — «Тупъ!» отвѣчалъ онъ. Схвативъ его за руку, копорая сильно дрожала, я пошацилъ его за собою вонъ изъ избы. Мы вышли на улицу; мѣшель уже прошла; сани Бароновы спояли въ готовностіи. — «Гдѣ Графъ?» спросилъ я. — «Уже давно уѣхалъ,» отвѣчалъ лакей. «Слышали ль вы спенаніе?» спросилъ я. — «Ничего, сударь, не слышали; все было шихо, какъ въ могилѣ.» Мы сѣли въ сани, и лошади помчали.»

«Камердинеръ Графа вспрѣшилъ меня съ лицомъ испревоженнымъ. Графъ очень боленъ, сказалъ онъ. «Давно ли онъ пріѣхалъ?» спросилъ я. «Съ полчаса,» отвѣчалъ камердинеръ; «онъ ходилъ по комнапѣ, блѣдный какъ смерть, останавливался, говорилъ несвязныя рѣчи, блуждалъ глазами, чего-то боялся. Въ изне-

моженіи онъ упалъ безъ памяти на софу; я его поскорѣ раздѣлъ, положилъ въ постель и послалъ за докторомъ.» — Въ сію минушу вошелъ и докторъ. Мы пошли къ больному. Графъ лежалъ въ постель съ сомкнутыми глазами, похожій болѣе на мертваго, нежели на живаго; холодный потъ выступалъ на лицѣ его. Докторъ, щупая пульсъ, качалъ головою. На вопросы его о причинѣ болѣзни я отвѣчать не могъ, чувствуя сильное опвращеніе разглашанъ столь спранный произшествіе. «Я думаю,» сказалъ я ему, «что Графъ сильно простудился. Докторъ качалъ головою. Прописавъ лекарство и подавая мнѣ рецептъ,» соблюдайше, «сказалъ онъ,» совершенную нишину; малѣйшій спукъ можетъ лишишь его жизни. А когда проснешся, то поспѣйшише ему дать лекарство, на которое я впрочемъ и самъ не надѣюсь. Черезъ шесть часовъ, если онъ еще будетъ живъ, я опять буду.» — Я остался съ камердинеромъ у постели больного. Что въ душѣ моей тогда происходило, я описать не въ состояніи. Если бы Графъ не въ такомъ былъ положеніи, то я все счелъ бы за спрашное сновидѣніе. Умъ мой, не могши согласиться съ дѣйствительностью видѣннаго мною, перялся въ разныхъ догадкахъ, и чѣмъ болѣе я спарался все объяснить и видѣнь въ семъ произшествіи хипросплетенія обмана, тѣмъ болѣе оно

спановилось для меня неизъяснимымъ. Черезъ часть Графъ проснулся и быспро поднявшись въ поспелъ, смопрѣлъ на меня дикимъ взоромъ долго, долго, какъ будто усиливаясь что-то припомнить. — «Такъ и ты,» сказала онъ наконецъ, «переселился въ царство мершвыхъ? — Ты Вольдемаръ? — да! шакъ! почно! — я помню. — Смерть не успѣла еще совсѣмъ испребишь моей памяти. — Ты Вольдемаръ. — Смерть быспра — я думалъ опъ нее ускакашь, но не въ свои сани сѣлъ. — Кони мчали — кучеръ погонялъ ихъ дикимъ голосомъ — снѣгъ клубился около меня — холодъ впекалъ въ жилы — свиспъ и вой въ воздухъ — все спановилось шемнѣе — мрачнѣе — сани черныя — шо не сани были — шо былъ гробъ — а коней погоняла смерть — мы прѣхали къ врагамъ царства мершвыхъ. — Смопри какое спеченіе прѣхавшихъ! — Намъ, Вольдемаръ, надобно подождать, пока насъ пропуспашъ.» — Сказавъ сіе, Графъ замолчалъ и глубоко вздохнулъ. Молча камердинеръ подалъ ему чашку съ лекарствомъ; Графъ машинально ее взялъ, долго на нее смопрѣлъ и наконецъ выпилъ. «Ты кто?» закричалъ онъ вдругъ ужаснымъ дикимъ голосомъ и бросилъ чашку, кошорая разлетѣлась на мелкіе кусочки. «Прочь исчадіе ада! прочь призракъ!» и упалъ опянь безъ памяти на подушку. Вскорѣ выспунилъ сильный потъ, лице его пылало!»

«Не спану вамъ, прелестная Розалія, въ подробностяхъ описывашъ ужаснаго положенія моего друга и благодѣтеля; ни соспожня души моей, кошорая, при споль плачевномъ зрѣлищѣ, невольно вспоминая необыкновенную причину онаго, волновалась спрахомъ и надеждою. Графъ долго оспавался въ безпамятствѣ, и спрашныя фанпазіи, кошорыми онъ бредилъ и мучился, опносишъ всѣ къ пому произшесствію, и вѣрояшно къ шѣмъ явленіямъ, кошорыи онъ видѣлъ въ серебряномъ блюдѣ, въ зеркалѣ, и въ спальномъ листѣ. И шогда даже, когда спараніями медика больной получилъ облегченіе, и здоровѣе его начало, хоши очень медленно, возвращашъ, и шогда еще воображеніе его было въ сильномъ дѣйствіи, но пораждало, кажется, пріипиѣйшія каршины. Ибо во время перелома болѣзни, послѣ глубокаго сна, продолжавшагося приидцашъ шесть часовъ, Графъ вздохнулъ, какъ обыкновенно вздыхаюшъ, чувствую большое облегченіе, шихо капшились слезы изъ его глазъ, улыбка освѣжила его лице. «Посмотри,» сказалъ онъ мнѣ слабымъ прерывающимся голосомъ, «посмотри, Вольдемаръ, ангель мой передо мною; какъ ее зовушъ, я не знаю — но она моя — моя, Вольдемаръ, — она назначена для меня — она ждешъ меня — сей часъ буду. — Вольдемаръ! . vedi меня къ ней.» Съ шого времени онъ

становился все спокойнѣе, всѣ его мечпанія имѣли одинъ только предметъ — ее; и когда онъ уже въ состояніи былъ сидѣть въ постелѣ, онъ велѣлъ себѣ подать бумагу и карандаши, началъ что-то черпать, но рука его еще слабая, дрожала, и онъ долженъ былъ оставить свое предпріятіе. Здоровье его возстановлялось, хотя и медленно, и когда ему уже позволено было опять заниматься своими любимыми предметами; то онъ ежедневно заперся въ своемъ кабинетѣ, и кончивши картину, коей занимался, позвалъ меня однажды къ себѣ въ кабинетъ, и снявъ пологно, коимъ картина была покрыта, сказалъ: «смотри, Вольдемаръ, вотъ плодъ моей болѣзни!» — На картинѣ изображена была женщина необыкновенной красоты и привлекательности. — «Что ты молчишь, Вольдемаръ?» сказала Графъ, когда я въ безмолвномъ восхищеніи смотрѣлъ. «Что скажешь?» — «Сожалѣнія достойно было бы,» отвѣчалъ я, «если бы столь прелестный цвѣтокъ дѣйствительно когда нибудь явился въ жизни!» — «По чему же такъ?» спросилъ Графъ, явно смущенный сею мыслью. — «Потому,» отвѣчалъ я, «что время, все измѣняющее, все пожирающее, не пощадило бы и его. Представивъ же себѣ померкшими сіи чистѣйшіе глаза, въ коихъ видна душа, ко всему доблестному и изящному пламенѣющая, сіи ла-

нипы, въ розахъ коихъ покоялся всѣ Граціи и Амуры, покрытыми браздами спароспи; и эпи двѣ сферы.... Графъ! такая мешаморфоза наводитъ на меня ужасъ, и желаніе мое, чѣмбы никогда подобное существо не пипалось плодами земли, весьма еспешивенно.»—«За чѣмъ же,» возразилъ Графъ, «дѣло времени предоспавляшь воображенію? Наслаждайся наспоющимъ, скажешь тебѣ всякій мудрецъ.»—«Хорошо,» опивчалъ я, «еслибъ челоѣку дано было жить въ наспоющемъ! Онъ живетъ только или въ прошедшемъ, или въ будущемъ; наспоащаго для него нѣтъ. Наспоащее-только скоросечныя мгновенія, съ быспрошою молніи гонимыя будущими къ прошедшимъ. — «А развѣ,» сказалъ Графъ, «плачевную швою мешаморфозу не лзя замѣнить другимъ чѣмъ?»—«Чѣмъ?» спросилъ я.—«Я воображаю,» сказалъ Графъ, «что такое существо, въ то самое время своего совершенсва, когда оно, такъ сказашъ, споишъ на межѣ Природы и Искуссва, дѣлаеиъ добычею смерши! Въ такомъ случаѣ, образъ его, какъ идеаль красопы, будетъ вѣчно жить въ сердцѣ и фанназіи видѣвшихъ его.»—«Въ такомъ случаѣ,» сказалъ я, «горе, прикрасы горе тому, кто, вступивъ въ сферу сего сущесва, преисполнилъ душу свою сладчайшими ощущеніями блаженсва, копорому бы и боги завидовали.» — Графъ, опусивъ по-

пихоньку полошно, закрылъ опять каршину. Изъ фанпазій его во время болѣзни, изъ жара, съ какииъ онъ принялся за кисти, чшобы одушевитиъ полошно сею карпиною, изъ меланхоли и грусти, съ какою онъ разсмащивалъ собственное свое, истинно удивительное произведеніе, я съ душевнымъ прискорбіемъ замѣнилъ, что гнѣздилась въ его головѣ та мысль, что сіе существо, порожденное его разгоряченнымъ воображеніемъ, должно существовать въ мірѣ, и съ нимъ когда нибудь соединиться. Но я молчалъ, боясь, воспоминаніемъ прошедшаго, распрвоживъ его воображеніе; не могъ рѣшиться сказать ему и того, что пошъ спранный человекъ съ нимъ еще увидится; шѣмъ болѣе, что Графъ самъ, взявъ меня за руку, сказалъ: «Любезный Вольдемаръ! Въ воображеніи моемъ лежатъ, такъ сказать, обломки какого-то спранныго и спрашнаго произшесствія, изъ коихъ я щещенно усиливаюсь соспавить нѣчто цѣлое. Я не помню, было ли оно на яву до моей болѣзни, или только въ хаотическомъ смяшеніи каршинъ распаленнаго горячкою воображенія; но я прошу тебя, ни когда не упоминай мнѣ о томъ, что со мною было; не считаю нужнымъ, чшобы и другіе про то знали. А какъ дѣла мои на сихъ дняхъ приведены будутъ къ успѣшному окончанію, то поспрудись все изгоспосивъ въ дорогу. Надѣюсь, дня черезъ

при, или чепыре, бывшъ на возвращномъ пути домой.»—Принявъ сіе приказаніе, я поспѣшилъ къ Барону Мессингеру, котораго я до сихъ поръ къ Графу не допускалъ, и просилъ его, чтобы онъ при прощаніи съ Графомъ опшудъ не упоминалъ о прошедшемъ. Баронъ далъ и сдержалъ слово. Происшествіе было для всѣхъ тайною. Человѣку, видѣвшему эту сцену, я тогда же, по возвращеніи домой, сомкнулъ уста, увѣривъ его, что мерзвецъ, котораго онъ видѣлъ, объявилъ, что кно про него большае будетъ, подвергнется ужасному наказанію, и совѣщавалъ ему быть оспороженнымъ. Человѣкъ радовался, что еще не успѣлъ ни кому о томъ разсказать. Баронъ молчалъ, или приведенный въ недоумѣніе, или боясь компрометировать свой здравый разумъ. Я видѣнному ни вѣрилъ, ни не вѣрилъ; предсказаніе, сдѣланное Барону, не выходило у меня изъ памяти, и съ нетерпѣніемъ ожидая назначеннаго срока, просилъ я одного пріятеля Баронова, и моего, извѣщать меня по временамъ о Баронѣ. По окончаніи дѣла, для коего Графъ былъ посланъ, мы возвратились въ свое опещество. Графъ, пользуясь совершеннымъ здоровьемъ, сдѣлался по прежнему спокойнымъ и веселымъ; по временамъ только находилъ я его сидящимъ въ глубокой задумчивости предъ своею карпиною. Веселія и наслажденія, коимъ я по прежнему предавался, совершенно изгла-

дили изъ моей памяти то происшествіе. Но представьте себѣ, нѣжная Синьора Розалія, шопъ громовой ударъ, коимъ я пробужденъ былъ опъ усыпленія разноцвѣтной усладительной жизни, когда, за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего опѣзда въ Италію, я получилъ письмо, извѣщавшее меня, что Баронъ Мессингеръ лишился ума.»

«Праведный Боже!» воскликнула Синьора Розалія, сплеснувъ руками. «И шакъ судъ Твой совершился! Нечестивецъ Тобою взысканъ!» — «Какъ!» сказала Джіакомо, «вы знаете Барона Мессингера?» — «Знаю,» опвѣчала она. «Но прошу васъ продолжашъ. Узнавши, что Баронъ Мессингеръ, знакомое вамъ лицо, собеспвенныя мои выгоды пребуюшъ, чшобъ я вамъ рассказала пресупленія сего изверга. Но теперь прошу продолжашъ вашъ разсказъ.»

Джіакомо продолжалъ шакъ: «Я вамъ, прелесная Синьора Розалія, уже сказалъ, что узелъ драмы, которую Графу надобно разыгранъ, завязался въ Венеціи. Въ прелесныхъ окрестностяхъ сего города, которыя вамъ, Синьора, знакомы, въ шести миляхъ опъ города находилъ дача, копорая живописнымъ своимъ положеніемъ привлекаешъ взоры любителей Природы, изящеспвомъ и пышностью дворца и другихъ спроеній напоминаешъ, что служишъ мѣстопребываніемъ челоѣку знатному, богатому, образо-

ванному. Утро было восхищительное, когда Лоренцо, пѣшкомъ, въ сопровожденіи своего слуги, несшаго за нимъ портфель и ящикъ, приближался къ сему дворцу, коего обладателемъ онъ былъ приглашенъ. Чистое и ясное небо, благораспоренный воздухъ, разнovidная природа имѣютъ сильнѣйшее вліяніе на Лоренцо; сердце его преисполняется живѣйшихъ ощущеній, воображеніе его пылаетъ, всѣ силы душевныя быстро развиваются, онъ погружается въ какое-то мечтательное упоеніе, и тогда бесѣда его открываетъ несмѣнныя сокровища мыслей, и рѣчь его, сплываясь живѣйшимъ изображеніемъ его идей, изливается быстрымъ потокомъ, увлекаетъ за собою удивленнаго слушателя. Но со всплуніемъ его въ кабинетъ Графа Пизани сіе расположеніе духа исчезло. Лоренцо началъ озирашся и вперишь испытующій взоръ на Графа, который, въ свою очередь, удивлялся, видя предъ собою человека, неподвижно стоящаго и озирающагося, подобно тѣмъ, кои, пробудившись отъ живѣйшаго сновидѣнія, и не зная проснулись ли они, или еще во снѣ, усиливаются припомнить, гдѣ находяшся. Приписавъ это однакожъ, по самолюбію человѣческому, особенно сильному въ высшихъ званіяхъ, дѣйствію высокаго своего сана, величественности своего вида, и блеска его окружающаго, Графъ

вспаль съ важностью, и, подошедъ къ Лоренцо, сказалъ: «слава вашей книси возбудила во мнѣ желаніе съ вами лично познакомиться. Но я вижу, что вы не со всѣмъ здоровы, и сожалью, что вы принудили себя немедленно послѣдовать моему приглашенію.»

Лоренцо, опомнившись послѣ сихъ словъ, отвѣчалъ: «извините, Графъ! Бываютъ случаи въ жизни человѣческой, которыхъ умъ никакъ не можетъ постигнуть, и кои по сей самой причинѣ приводятъ насъ въ замѣшательство. Я теперь нахожусь въ подобномъ случаѣ. Увѣренъ будучи, что я въ первый разъ спою на семь мѣсѣ, я вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ, что я уже видѣлъ и сей самый кабинетъ и предсѣдщаго мнѣ Графа; но щещно усиливаюсь припомнить, гдѣ и когда? Это меня приводитъ въ недоумѣніе. Прошу васъ, Графъ, меня извинить, и располагать моею готовностью къ услугамъ вашимъ.»

«Это дѣйствительно странно!» сказала Графъ. «Я васъ въ первый разъ вижу; я знаю, что вы никогда въ семь кабинетъ не бывали; и вы его видѣли! Если вы въ первый разъ въ Венеціи, то вы меня также нигдѣ не видали, развѣ лишь двадцать шому назадъ, во время моего путешествія по Европѣ, въ одномъ изъ сполчныхъ городовъ оной; но и это дѣло невозможное; поному

что тогда вы еще были малолѣтны. А съ тѣхъ поръ я изъ Венеціи не выѣзжалъ, развѣ только на свою дачу, а изъ дачи въ Венецію. Но оставимъ эту задачу, прибавилъ Графъ. Не споймъ, можетъ быть, труда ее разгадывать. Искусство, въ которомъ вы только оплечаеесь, будетъ конечно пріятнѣйшимъ для бесѣды нашей предметомъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ, что вы, Синьоръ, оплечаеесь въ порптрешной живописи.»

«Я ею занимаюсь, но ее не люблю,» отвѣчалъ Лоренцо. «Порптрешная живопись собственно не есть искусство, Графъ; по крайней мѣрѣ, не искусство въ высшемъ смыслѣ.»

«Это только прошиворѣчитъ моимъ понятіямъ,» сказалъ Графъ, «что вы безъ сомнѣнія меня много обяжете, Синьоръ, если не скроете отъ меня причинъ, на коихъ основывается ваше мнѣніе.»

«Порптрешная живопись,» отвѣчалъ Лоренцо, «есть подражаніе Природѣ, исключющее творческую силу фантазіи. Въ порптресахъ уважаютъ обыкновенно нѣжную кисть — это мастерство; и разительное сходство, — и это мастерство, а не искусство; почти такъ, какъ сдѣлать *fac simile* какого нибудь почерка, не есть искусство, а мастерство. Въ сеансѣ живописецъ имѣетъ предъ собою или лицо безобразное, или лицо обыкновен-

ное, незначительное, или лицо прелестное. Въ первомъ случаѣ положеніе его весьма непріятно, и пѣмъ непріятнѣе, что ожидающъ онъ него, чтобы онъ, сохранивъ сходство, искусно скрылъ недоспадки природы; между пѣмъ, какъ онъ одною черпою желалъ бы возвысить безобразіе до идеала въ своемъ родѣ и пѣмъ доставивъ нѣкоторое удовольствіе и занятіе своему воображенію. Во второмъ случаѣ положеніе его еще хуже; ибо ничтожность какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, проотивна; угодливый хочеть льстивъ, ш. е. изъ сферы ничтожности вывести въ высшую сферу значительности, и дѣлаея лжецомъ, покинувшимъ дѣйствительность и не переселившимся въ область идеаловъ, висящимъ, такъ сказать, между небомъ и землею. Въ третьемъ случаѣ, который весьма рѣдко встрѣчаея, перебувають наиболѣе почтоси, полагая, что Природа превзошла Искусство, и что довольно славы для Искусства, если оно въ почтоси повторитъ Природу. Все же, что не изъ творческой силы фантазіи произтекаетъ, есть мастерство, но не Искусство.»

«Я съ вами въ томъ согласенъ, Синьоръ,» отвѣчалъ Графъ. «Но вы поставили порпретиспа на низкую степень кописта. Порпретиспа свою задачу еще не рѣшилъ, когда онъ сдѣлалъ *fac simile*: ш. е. когда онъ

перенесъ на холстину только наружность лица. Кажется, Синьоръ, поспрешно, чпобы въ лицъ видна была и душа.»

«Эпо доказыаешъ только добропу вашего сердца, Графъ,» сказалъ Лоренцо, «если вы думаеше, чпо всякое лицо, сидящее предъ живописцемъ, оживлено душою. Только въ лицъ того человека, который живетъ въ мѣрѣ идеальномъ, видна душа, видна не только въ глазахъ, но и во всемъ складѣ лица его. Таковыхъ смертныхъ не много; всѣ же прочіе спятъ, пьютъ, ѣдятъ, производятъ на свѣтъ дѣшей, и оканчиваютъ свое поприще, какъ начали, бывши во всю жизнь свою машиною; а въ машинахъ, согласитесь, Графъ, души быть не можетъ.»

«Спало быть,» сказалъ Графъ, «рѣшипельный вашъ приговоръ, чпо поршпешная живопись есть только масперспво, допускаешъ ограниченіе.»

«Допускаешъ, Графъ,» отвѣчалъ Лоренцо. «Она можетъ быть и Искусствомъ въ высшемъ смыслѣ, а именно, коль скоро она избираетъ предметы изъ области исторической, или изображая лица неисторическія, избираетъ моменты значительный. Но у многихъ во всей жизни не сыщется ни одного такого момента. Жизнь ихъ не есть удивительная разнообразная пѣканъ, но предлинная нѣтъ, наводящая длиною своею скуку и

испребляющая всю жизнь въ лицѣ. А тѣ, кои имѣютъ въ жизни своей такіе моменты, въ кошорыхъ вся сила души ихъ изображалась на лицѣ, не открываютъ сей тайны живописцу, а довольствуются тѣмъ, что бы онъ ихъ изобразилъ сидящими въ креслахъ и тому подобное, однимъ словомъ, въ совершенномъ покоѣ, въ кошоромъ душа скрывается подъ безцвѣтнымъ покрываломъ скуки. Высшее требуется отъ портретиста, избирающаго предметы свои изъ области исторической. Тутъ предстоитъ живописцу труднѣйшая задача, сочлать видимое съ невидимымъ, данное съ искомымъ, въ происхожденіи буквы, смысла и духа. Смотря на портретъ великаго государя, великаго полководца, великаго мыслителя и пр., мы ищемъ въ чертахъ его, такъ сказать, доказательства его величія, и портретистъ, перенесшій на холстину со всею точностью наружность его лица, конечно не рѣшилъ еще своей задачи. Портретъ такого лица долженъ быть немою, къ кошорой вся жизнь его есть комментарий. Сего портретистъ иначе достигнуть не можетъ, какъ посредствомъ творческой силы фантазіи, создавъ не идеалъ, но лицо, принадлежащее къ области идеальной съ самоспопелною индивидуальностью. Тогда только портретистъ становится живописцемъ, и написанное имъ

изображеніе переспаетъ бытъ произведеніемъ масперспва, является пвореніемъ Искуспва. — Но позволше, Графъ, еще разъ предложипъ мою гошовносшь къ услугамъ вашимъ.»

«Послъ сего, что вами сказано, не знаю,» сказалъ Графъ, «могу ли вамъ предложипъ писать портретъ лица неисторическаго. Но если вы согласны со мною, что бывающъ и неисторическія лица съ возвышеннымъ образомъ мыслей и чувспвованій, и если опцу проспиштельно желаніе имѣть портреты своихъ дѣшей, съ копорыми, можетъ бытъ, скоро разспанеся; то я просилъ бы васъ написать портретъ единспвенной моей дочери.»

«Графъ!» отвѣчалъ Лоренцо, «еслибъ живописцы хощѣли и на пракпикѣ держаться своихъ умозрѣній, то конечно они имѣли бы много празднаго времени; впрочемъ нѣтъ правилъ безъ исключенія. Позволше вамъ еще разъ предложипъ мои услуги.»

«Графъ Пизани, немогшій согласовать величавосшь и гордосшь Графа Кольмара съ живописцемъ Лоренцо, пришелъ въ нѣкопорое замѣщашельспво, и молчалъ, ненашедшисъ топчасть, что сказать.»

«Въ сію минупу безмолвія опворилась боковая дверь. — Неумѣспно было бы, Синьора

Розалія, описываешь вамъ красоту и преле-
сти вошедшей юной Жозефины, и не до-
спало бы у меня испуска въ словахъ,
какъ въ зеркаль, показавъ вамъ ея образъ.
Пусть собственное ваше воображеніе соз-
дастъ существо, въ которомъ непоспужи-
мымъ образомъ сливается въ одну магиче-
скую силу все, что сердце преисполняетъ
блаженствомъ, что въ чувства вливаетъ
чистѣйшую сладость, что оковываетъ умъ,
или даетъ ему высшее стремленіе, что во-
ображенію кажется мечтою идеальнаго міра.
Вы, безъ сомнѣнія, теперь полагаете, что
Лоренцо, при видѣ ея, пришелъ въ восторгъ.
Правда! Лоренцо чувствовалъ, что земля
подъ нимъ колеблется, исчезаетъ; но на
блѣдномъ его лицѣ выражалось не восхищеніе,
а страхъ и ужасъ! Ухватясь за спудъ, воз-
лѣ него спавшій, онъ едва могъ сказать:
«Графъ! я нездоровъ,» — Графъ, сдѣлавъ
дочери знакъ удалиться, посадилъ Лоренца
въ кресла, и позвонивъ, приказалъ вошед-
шимъ людямъ оповести Лоренца въ назна-
ченные для него комнаты, сказавъ ему:
Вамъ нуженъ покой, Синьоръ! Вы, безъ со-
мнѣнія, сами желаете удалиться. Лоренцо
подаль головою знакъ согласія. Его опвели.
Жозефина, уходя, остановилась въ дверяхъ,
и долго смотрѣла на Лоренца, чего однако
же занятый имъ отецъ замѣнилъ.»

«Какъ прискакалъ за мною въ Венецію: «Maestro Lorenzo очень нездоровъ! Приказалъ васъ немедленно просить къ себѣ.» — Я пріѣхалъ туда, когда день уже склонился къ вечеру. Лоренцо ходилъ въ задумчивости по комнатѣ. — «Вы нездоровы, Лоренцо? что съ вами случилось?» спросилъ я. — «Былъ нездоровъ,» отвѣчалъ онъ, «теперь мнѣ лучше, и когда съ тобою объяснюсь, то, думаю, совсѣмъ буду здоровъ. Садись, Джіакомо, и выслушай меня. Помнишь ли ты, продолжалъ онъ, то время, когда мы, за два года до кончины моего родителя, находились на Сьерѣ? помнишь ли, что съ нами встрѣнилось, когда мы возвращались съ бала съ Барономъ Мессингеромъ домой?» — «Помню,» отвѣчалъ я, «но не охотно вспоминаю.» — Онъ продолжалъ: «то происшествіе кончилось для меня тяжкою болѣзью; и съ тѣхъ поръ оно покоилось въ глубинѣ души моей, превозжа меня по временамъ, какъ нѣчто невѣдомое. Сегодня со вступленіемъ въ кабинетъ Графа Пизани, оно начало постепенно выступать и развиваться, и съ появленіемъ Жозефины спояло со всѣми подробностями и во всей ясности предъ моимъ воображеніемъ. Кабинетъ Графскій, точно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть, самаго Графа, и наконецъ дочь его, Жозефину, я видѣлъ — въ зеркалѣ спрашнаго незнакомца. Мнѣ предлагаютъ пи-

самъ ея порпреди, а порпреди ея уже давно написанъ! Она та самая, которую я видѣлъ въ зеркалѣ, та самая которую воображеніе мое съ непоспимимою ясностью произвело во время болѣзни, та самая которую киспъ произвела на холспѣ.» — «Какъ!» воскликнулъ я удивленный. — «Точно такъ, какъ я тебѣ говорю,» продолжалъ Графъ. «Скажу еще болѣе: Она та самая, которая наполняетъ собою мое сердце и всѣ мои помышленія.»

«Я до того удивленъ, Графъ!» сказалъ я, «что и не знаю что думаю.»

«Ни швое, ни мое удивленіе, не объясняютъ намъ сего непоспимимого событія. Можетъ быть, время все открывающее, обнаружитъ и эту тайну. Въ догадкахъ и соображеніяхъ перьясья я не намѣренъ; но очень не худо было бы открыть того спрашнаго незнакомца, и я прошу тебѣ, Джіакомо, ничего не упускашь изъ вниманія, и если хоть малѣйшій покажется слѣдъ къ открытію его, помчасъ мнѣ о томъ сказать.»

«Графъ!» сказалъ я ему. «Торопиться, кажется, не нужно. Я имѣю опъ него къ вамъ порученіе.»

«Какъ!» воскликнулъ Графъ. «Такъ ты съ нимъ видѣлся? гдѣ? когда?»

«Тамъ же и тогда же,» отвѣчалъ я, «когда и вы съ нимъ видѣлись. Вспомните, что вы послѣ того, что онъ вамъ показывалъ въ

спальномъ лиспѣ, бѣжали изъ избы; Баронъ же и я, мы принуждены были оспаться на мѣстахъ, не имѣвъ силы вспасть. И тогда онъ мнѣ сказалъ: скажи ты Графу, что я съ нимъ еще увижусь! — «Слѣдовательно,» сказалъ Графъ, «этошъ незнакомецъ принадлежишъ къ живымъ; и опъ него можно будетъ попотребовашъ объясненія.» — «Графъ! опвѣчалъ я, «вы знаете, сколь мало я вѣрю въ привидѣнія и духовъ, пошому что не могу поспигнушъ возможности оныхъ; не эшо происшествіе споль спранно, по крайней мѣрѣ, предвѣдѣніе незнакомца сполько меня поразило, что, не соглашаясь считашъ его за пришельца изъ другаго міра, не могу также согласишъся и полагашъ его въ числѣ живыхъ. Онъ зналъ мои мысли, онъ показлъ вамъ шѣ лица, между кошорыми вы теперь находишесь, онъ сдѣлалъ предсказаніе, кошорое исполнилось.» — «Какое?» спросилъ Графъ. — «Баронъ Мессингеръ, кошорому предсказано было, что онъ изъ міра порядка ввидешъ въ хаосъ смѣшенія — дѣйствительно лишился ума.» — Графъ смолрѣлъ на меня съ удивленіемъ. — «Я получилъ извѣстіе о шомъ,» продолжалъ я, «не за долго до нашего опѣзда въ Италію и не сообщалъ вамъ его, боясь вспревожишъ ваше воображеніе.»

«Какъ бы шо ни было,» сказалъ Графъ послѣ нѣкошораго молчанія, «кшо бы онъ ни

былъ, кажется, я не долженъ его считатьъ врагомъ. Одно только меня смущаетъ и тревожитъ — двусмысленность его оракула! Ибо я видѣлъ и Жозефину, подающую мнѣ съ ангельскою улыбкою прелестнаго младенца, и себя — казнимаго на лобномъ мѣстѣ съ Бакаловичемъ и Шельдинымъ. Впрочемъ, не поспигая какими бы пунями, мною избираемыми, я могъ дойти до столь почешнаго мѣста, я предоспаляю все времени, завязывающему и развязывающему узлы.»

* * 6.

